

С.В. Чёрненькая

Семиотика Умберто Эко

В статье рассматривается семиотическая модель итальянского ученого и философа У. Эко, в которой, отталкиваясь от идеи Пирса о «неограниченном семиозисе», философ пересматривает свой ранний тезис о бесконечном числе интерпретаций: их количество многочисленно, но не бесконечно. Эко показывает, что «неограниченный семиозис» как идея на практике принимает форму ограниченных и четко определенных интерпретаций, санкционированных данным сообществом.

Ключевые слова: семиотика; семиозис; знак; интерпретация; культура.

В феврале не стало крупнейшего философа современности, известного семиотика, медиевиста, историка культуры и писателя Умберто Эко (1932–2016).

Безусловно, определяющей сферой профессиональных интересов Эко была семиотика. В конце 60-х гг. он ведет курс по визуальной коммуникации на факультете архитектуры во Флорентийском университете, в 1969–1971 годы является профессором семиотики на архитектурном факультете Миланского политехнического института. В 1968 году выходит его «Отсутствующая структура» — набросок будущей теории знаков, а в 1974 году — «Теория семиотики». С этого же года Умберто Эко возглавляет кафедру семиотики в Болонском университете, с 1972 по 1979 занимает пост генерального секретаря Международной ассоциации по семиотическим исследованиям и организует в Милане первый международный конгресс по семиотике, начинает выпуск семиотического журнала «Versus» (1971), читает лекции в Гарвардском, Колумбийском, Йельском университетах, позднее — в Коллеж де Франс.

Задача общей семиотики, по определению Эко, тождественна философии языка в целом и заключается в развитии общего концептуального каркаса, в рамках которого могут быть изучены знаковые системы социальной, культурной и интеллектуальной жизни. «Общая семиотика, — писал он, — есть не что иное, как философия языка, и подлинные философы языка... всегда занимались семиотическими проблемами» [5: с. 160].

Концепция философа определялась, с одной стороны, в опоре на семиотику Ч.С. Пирса — одного из ее основателей, который был и остается ключевой фигурой в этой науке, с другой — в полемике с представителями структурной лингвистики, и пересматривалась самим Эко в процессе эволюции его научных интересов. Пирс, исследуя проблему репрезентации, формулирует идею неограниченного семиозиса, или процесса интерпретации знака, в котором

нет ни первичной, ни конечной интерпретанты, поскольку каждый знак с необходимостью является интерпретацией предшествующего ему знака. В процессе семиозиса, писал Пирс, нет ни конечного объекта, ни конечного интерпретанта, и тем не менее только благодаря этим отношениям между знаком и его объектом мы познаем нечто, что находится за пределами знаковых систем (благодаря свойствам репрезентации).

Для Эко принцип неограниченного семиозиса выступает основным в семиотической теории. Но в последние годы он всё чаще говорит о границах интерпретации, подчеркивая, что понятие семиозиса Пирса трактуется предельно широко современными философами, в частности, Ж. Деррида, Р. Рорти и другими. В «Пределах интерпретации», анализируя современные трактовки данного понятия, Эко выявляет присущее современным исследователям стремление раскрыть идею семиозиса как принцип свободной, что тождественно произвольной интерпретации знака. Как метафорически заявлял Рорти, воля интерпретатора «обтесывает» текст в своих целях. Попытки выявить «подлинный» смысл текста, отмечает Эко, превратили искусство интерпретации в индустрию. Решение проблемы уже было предложено в истории, в частности, Эко ссылается на схоластов, пытавшихся установить правила, контекстуально сужающие интерпретируемые смыслы. Смысловая полисемия текста редуцируется контекстом — этот принцип средневековых практик оказывается недоступным для многих современных теорий.

Деррида, полемизируя с Эко, отмечал, что понятие контекста проблематично, поскольку любой знак может быть процитирован, и таким образом он теряет свой контекст, что влечет за собой появление новых контекстов в почти неограниченных масштабах. Критикуя позицию Деррида, Эко, ссылаясь на Пирса, подчеркивает, что любой акт семиозиса детерминирован социокультурной реальностью. Если невозможно выделить единственно правильную интерпретацию, то, согласно Эко, следует признать, что некоторые интерпретации контекстуально недопустимы. Эко показывает, что «неограниченный семиозис» как идея на практике принимает форму ограниченных и четко определенных интерпретаций, санкционированных данным сообществом.

Обращает на себя внимание связь его художественных текстов с научными трудами. Эко не приемлет популизм, «гипертрофированную публичность» и не принимает отстраненность, социальную пассивность ученого сообщества. Семиологические идеи он облекает на страницах романов в форму художественного слова так, что они оказываются «ключом» к художественным текстам. В романе «Таинственное пламя царицы Лоаны» (2004) Эко затронет проблему соотношения знака и значения, мира литературы, вымышленного мира, и мира реального, личной истории и Истории, личной памяти и коллективной. Герой романа, шестидесятилетний букинист Джамбатиста Бодони, после инсульта теряет «автобиографическую», как объясняет ему врач, память, сохранив «семантическую», коллективную, или «бумажную», как определит ее сам герой. Получив хорошее

образование, обладая феноменальной памятью, он может вспомнить любой факт из древней или современной истории, цитирует наизусть художественные, философские тексты, но не может вспомнить ни свое имя, ни лицо матери, не узнает близких ему людей. Цитаты, которые всплывают поминутно в памяти героя, Эко выделяет курсивом. Для героя они обладают, возможно, большей достоверностью, нежели внешний мир, они — его собственность, они «наполняют» его сознание, хотя герой и не может объяснить их связи с действительностью, тогда как внешний мир ему чужд. «Я открыл глаза и объявил, что проснулся. В палате были еще две женщины и трое детей. Я их видел впервые, но, конечно, сообразил, кто они. Ужас какой. Жена еще ладно, но все же дочки-то, господи, они плоть от плоти твоей, а уж внуки и тем более; у дочек глаза были от радости на мокром месте; дети порывались влезть на койку, хватались за мои руки и лепетали «деда, деда», а я... ну что сказать. Даже не туман. Апатия. Может быть, точнее было бы — атараксия? Глядел на них как в зоопарке: не больше чувств, чем к обезьянам или жирафам. Я, конечно, улыбался и говорил с ними ласково, но в душе была полная пустота. Мне пришло в голову слово *sgurato* (курсив Эко. — С.Ч.), но я не знал, что оно значит. Спросил у Паолы. Это по-пьемонтски «отдраенный», то есть когда кастрюлю металлической мочалкой трут до блеска и она сверкает и лучится в своем нутре, чище невозможно. Ну вот, в голове моей было все отдраено. Гратороло, Паола, девочки пытались срочно запихнуть мне в голову кучу мелких подробностей моей жизни, но вся информация перекатывалась в отдраенном черепе как сухая фасоль, не было от информации ни навара, ни подливки, никакого вкуса, никакого аппетита. Я запоминал факты своей биографии, как будто они относились к кому-то чужому» [2: с. 25]. Слово фиксирует действие, предмет, это форма, которая пуста без содержания, но в «несчастной» памяти Ямбо (так называют главного героя близкие) — «только фразы», связь с содержанием исчезла. Ему комфортно, «уютно» в мире литературы, но жить предстоит в реальном мире, не совпадающем с вымышленным. Из двух «половинок» целого в памяти — только одна, опираясь на которую ему необходимо восстановить не вторую часть, а целое. Герой пытается понять, «расшифровать» цитаты, всплывающие в его сознании, по «ошметкам чужой памяти» восстановить тот контекст, в котором чужой опыт, соотносясь с личным, приобретал смысл. Полемицируя как с М. Хайдеггером, онтологизирующим язык, так и с классическим структурализмом, Эко тем не менее показывает, что коммуникативный акт всегда перенасыщен социально и исторически обусловленными кодами и зависим от них. В семантическом треугольнике: референция (значение) — имя — референт (предмет) семиотика исследует отношения между именем и его значением, которые могут меняться, усложняться, искажаться. Способ соотнесения имени и референции порождает смысловое многообразие, «фильтруемое» социокультурным контекстом. Только в контекстуальных взаимоотношениях означающие обретают свои значения. Эко в своих работах отмечает подвижность контекста. Меняется контекст, приходит в движение связь знака и значения. У героя Эко имя и референция (если воспользоваться терминологией

Соссюра, означающее и означаемое) не образуют пару: придя в сознание, он адекватно воспринимает мир, он понимает фразы, всплывающие в его сознании, но понять, почему то или иное слово, действие, предмет вызвали их в его сознании, не может. Связь означающего и означаемого для него недоступна. Коннотации определяются социокультурным контекстом, преломляемым через личный опыт, память о котором у героя «стерта». Для того чтобы восстановить ее, герой отправляется в поместье деда, где он провел свое детство и юность. Настоящее оказывается невозможно без прошлого, и шестидесятилетний Ямбо вновь окунается в мир тех детских, юношеских романов, стихов, школьных сочинений, детских коллекций и т. д., которые когда-то сформировали его личность. Но воспринимает эти источники Ямбо с позиций уже прожитых лет, в другой социокультурной среде (школьные годы его, как и самого Эко, пришлись на военное время, когда в Италии был режим Муссолини). Теперь сюжет книги как бы раздваивается, ретроспективный план совмещается с перспективным, повествование идет и от лица Ямбо, и от лица тех, кто помогает ему истолковать, объяснить те знаки, которые всплывают в его сознании, рассказывая Ямбо его прошлое. Интересно представление в романе центральной семиотической проблемы: проблемы кода, позволяющего «прочитать» тот или иной знак, а также специальной лингвистической проблемы означивания эмоциональных состояний: как «экспрессивные» феномены приобретают знаковую форму, переходят в строго организованные когнитивные коды. Герой Эко пытается реконструировать свое прошлое, и получается, как он сам признается, «монтаж». «Я что-то комбинировал, резал, двигал, склеивал, то реконструировал естественную плавность мыслей и эмоций, то монтировал встык. У меня в голове выстроилось не то, что я видел и слышал, и даже не то, что я мог бы видеть и слышать в далеком детстве. Вместо этого образовался мираж. Муляж. Попытка в шестьдесят лет вообразить, чем дышал и жил десятилетний. Нет уверенности, что все “было именно так”. Но есть хрупкое представление, есть значки на ломких папирусах — какие чувства я мог, имел возможность переживать в давнем прошлом» [2: с. 220]. Источники Ямбо противоречивы. Он читает свое школьное сочинение, в котором восхищался Муссолини, и за которое получил «отлично», и узнает от служанки, как его дед укрывал в собственном доме, в котором тогда жил маленький Ямбо, партизан от чернотригадцев; листает букварь, первые школьные учебники, состоявшие из фашистских речевок, и Жюль Верна, Стивенсона, Конан Дойла, Дюма, которые тоже были в его библиотеке. Как понять эти сообщения? «...Из чего слагался мой внутренний мир? Из Сандоканов или из фюреров, глядящих по головкам Сынов Волчицы. Я ведь тебе говорю — я прочел свое школьное сочинение. В десять лет я действительно был непоколебимо убежден — *когда вырасту, стану солдатом?* (курсив Эко. — С. Ч.) Хотел биться как неистовый зверь и умереть за бессмертную Италию? И это в десять лет, ...когда бомбежки-то уже были, итальянцы уже гибли как мухи на русском фронте...» [2: с. 260]. Как ученый-семиотик Эко делает вывод: интерпретация знака обусловлена социокультурным кодом, не предопределяющим однозначность сообщения, но в то же время четко очерчивающим границы интерпретации.

В другом своем знаменитом романе «Маятник Фуко» (1988) Эко поднимает проблему хаоса и синкретизма в современной интеллектуально-духовной среде. Именно в этом романе Эко ставит вопрос о границах интерпретации, который позже скрупулезно изложит в «Пределах интерпретации». Сюжет романа вращается вокруг трёх друзей, Бельбо, Диоталлеви и Казобона, работающих в «тщеславиздате» — издательстве, выпускающее книги на деньги авторов, часто графоманов. После прочтения множества рукописей, посвященных оккультным теориям заговора, они, ради развлечения, решают создать собственную теорию — «План» — и незаметно для себя втягиваются в игру. При этом сторонники других теорий заговора, узнав про план, воспринимают его как действительно существующий, некоторые из них даже считают, что друзья, один из них — Бельбо — занимался в университете историей тамплиеров, владеют разгадкой тайны потерянного сокровища ордена.

Как мы должны относиться к вторжению литературы (вымышленного мира) в жизнь, поскольку последствия такого вторжения не всегда безобидны? Каков механизм, посредством которого вымысел формирует реальность? Размышляя о сложных взаимоотношениях между читателем и сюжетом, литературой и жизнью, вымыслом и реальностью, Эко предупреждает как в специальных исследованиях по массовой культуре, так и в художественных романах об опасности усиления иррациональных тенденций в культуре.

Как специалист по массовой культуре, Эко отмечает, что в современной культуре поощряется и успешно внедряется историческая забывчивость. «Именно для того, чтобы противостоять этой тенденции (исторической забывчивости), я на всю жизнь остался в университете, — сказал он, выступая на симпозиуме Колумбийского университета, — ведь это особое место, где у молодежи воспитывают долгую память, неторопливость и чувство исторической хронологии».

Предлагаемый выше текст У. Эко «Вечный фашизм» — доклад, с которым Эко выступил на симпозиуме, проводившемся итальянским и французским отделениями Колумбийского университета (Нью-Йорк) 25 апреля 1995 г., в юбилей освобождения Европы. Доклад был опубликован впервые в 1997 году в сборнике «Пять эссе на темы этики».

Текст был рассчитан на американскую аудиторию, прежде всего студентов, поэтому в нем изобилуют факты и разъяснения почти школьного характера, много цитат из Рузвельта, считающегося символом американского антифашизма, и, конечно, особо подчеркивается встреча европейских и американских солдат в дни освобождения Европы. Тема фашизма часто «присутствует» в работах Эко. Как факторы, провоцирующие зарождение профашистских идей, Эко рассматривает забвение или отсутствие исторической памяти и синкретизм в интеллектуально-духовной сфере. Попытки пересмотреть историю, неограниченно смещая смыслы, оказывается социально-опасным занятием.

Хаос реальной жизни — социальной, личной может быть преодолен с помощью литературы. Это одно из средств, но достаточно действенное.

«...Читать литературное произведение — значит принимать участие в игре, позволяющей нам придать осмысленность бесконечному разнообразию вещей, которые произошли, происходят или еще произойдут в настоящем мире... Такова всегда была функция мифа: сообщить форму, структуру хаосу человеческого опыта» [3: с. 163].

Литература

1. Черненкокая С.В. Умберто Эко. Тайнственное пламя царицы Лоаны // Вестник МГПУ. 2009. № 1. С. 146–150.
2. Эко У. Тайнственное пламя царицы Лоаны / пер. Е. Костюкович. СПб.: Симпозиум, 2008. 596 с.
3. Эко У. Шесть прогулок в литературных лесах / пер. Е. Костюкович. СПб.: Симпозиум, 2007. 283 с.

Literatura

1. Chernen'kaya S.V. Umberto E'ko. Tainstvennoe plamyа czariczy' Loany' // Vestnik MGPU. 2009. № 1. S. 146–150.
2. E'ko U. Tainstvennoe plamyа czariczy' Loany' / per. E. Kostyukovich. SPb.: Simpozium, 2008. 596 s.
3. E'ko U. Shest' progulok v literaturny'x lesax / per. E. Kostyukovich. SPb.: Simpozium, 2007. 283 s.

S.V. Chernenkaya

Umberto Eco's Semiotics

The article considers the semiotic model of the Italian scientist and philosopher Umberto Eco, in which, starting from Pierce's idea of «unlimited semiosis», a philosopher reconsiders his early thesis of an infinite number of interpretations: their number is plentiful, but not indefinite. Eco shows that «unlimited semiosis» as an idea in practice takes the form of limited and clearly defined interpretations sanctioned by the community.

Keywords: semiotics; semiosis; sign; interpretation; culture.